

УДК 8.80

А.О. Карпов

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ ТАКСОНОМИЯ ДИСКУРСИВНЫХ ИННОВАЦИЙ

В статье рассмотрены эпистемологические схемы ментальной динамики различных типов дискурсов. Проведен анализ репрезентации в дискурсивных практиках смысловых новшеств интеллектуального и онтического (бытийного) типов. Обсуждена семиотическая связь слабо и сильноконтекстного дискурсов со сменой смыслов и изменением принципов.

Ключевые слова: дискурс, контекст, смысл, изменение принципов, дискурсивные инновации.

В данной работе рассматриваются эпистемологические схемы функционирования и производства онтических и интеллектуальных инноваций слабоконтекстным и сильноконтекстным (контекстно-зависимым) дискурсами. Здесь нас интересует вопрос – как в некотором идеальном плане взаимодействия понятий разного уровня общности сосуществуют дискурс и контекст, воплощая свою совместную репродуктивную функцию в новых смыслах и содержаниях.

Мы будем использовать следующие понятийные предустановки, разработанные нами ранее [Карпов 2008: 74–87]. В нашем тексте *под дискурсом понимаются целостные конструкции речевых (внешних и внутренних) и текстовых сообщений в определенной контекстной соотношенности*. Предполагается, что в контекстное поле помещено два актанта: сам дискурс и ментальный субъект (некоторое актуализированное *psyche*) как проникающие друг в друга субстанции; такого рода модель «дискурс – актантажное *psyche*» была сконструирована в упоминаемой выше работе.

Контекстный порядок функционирования дискурса в рамках данной модели распределен в пространстве между слабой и сильной зависимостью от

условий его символической нагрузки и устанавливается посредством его *специализации* и *диспозиции*.

Специализированный контекст дискурса характеризуется через специфицирующий и ситуационный регистры.

Схема *диспозиционного* контекста выстроена в двух измерениях: по отношению к дискурсу – интрадискурсивный и экстрадискурсивный контексты – и по отношению к индивиду – интрасубъективный (внутренний) и экстрасубъективный (внешний) контексты. Таксономическое расслоение интрасубъективного контекста предполагает на первом уровне дифференциацию через экзекутивный контекст (эмоционально-образная активность, «внутреннее состояние» *psyche*) и интериоризованный контекст (присвоенный опыт). Экзекутивный контекст «собирает» различного рода динамические контексты, интенционально обращенные к динамическому объекту Ч.С. Пирса. Интериоризованный контекст разделяется на коннотативный (структурированный архив, система указателей) и имплантированный (система имплант-понятий). В дальнейшем будет удобно пользоваться графической схемой контекстной таксономии, изображенной на рис. 1.

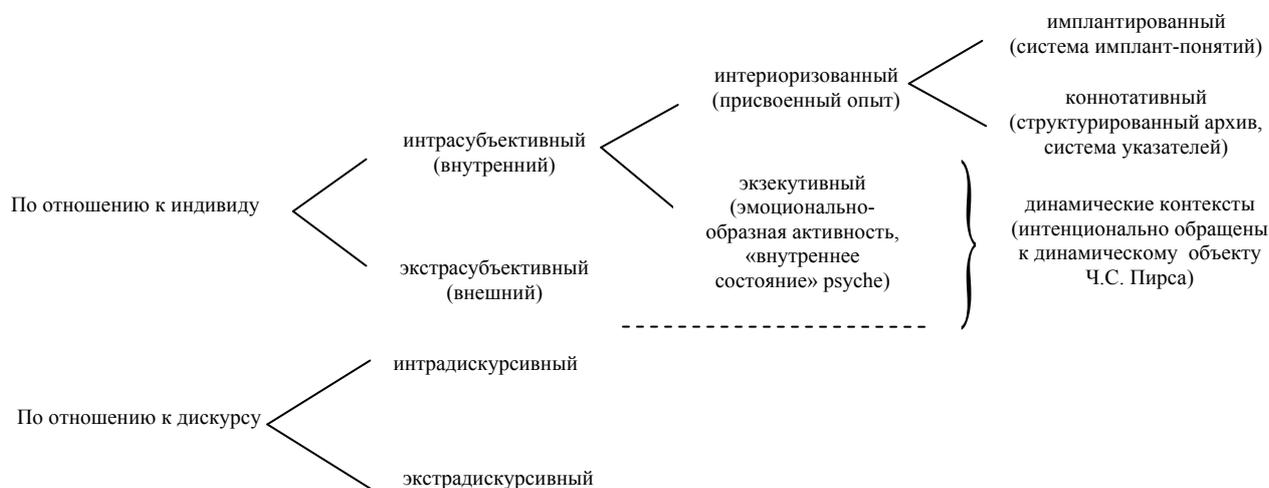

Рис. 1. Схема диспозиционного контекста для модели «дискурс–актантажное *psyche*»

Помимо структуризации контекста, весьма существенным в модели «дискурс – актантиное psyche» нам представляется концепт «имплант-понятие» [Карпов 2008: 77, 78]. Мы полагаем, что каждое понятие, которым оперирует субъект, имеет имплантированный контекст психического свойства, причем неотделимый от понятия в весьма продолжительный период функционирования индивидуальной ментальности.

Онтические и интеллектуальные инновации

За новым знанием, *произведенным* индивидуальным psyche, мы закрепим два вида когнитивной статустности.

Знание, изменяющее индивидуальное отношение к миру, рождающее новые принципы, которые дополняют или элиминирует старые, т.е. знание, трансформирующее индивидуальную онтологию, мы будем полагать следствием *онтических инноваций*. Онтическая инновация рождается от предпонятия, как первичного феномена посттрансценденции; она неосознаваемо изменяет внутренние смыслы и принципы принятия сущностных сегментов бытия, но не достигает уровня той полной рефлексивности, где обретается устойчивая включенность в понятийную структуру, а следовательно, и индивидуальный онтологический статус. Онтическая инновация находится как бы в состоянии постоянной проекции внутренне рожденного ею образа на активные пласты сознательно действующей психики. Таким образом, онтическая инновация в значительной степени еще дорефлексивна, но уже и постсублимативна, поскольку находит свое начало в сублимативных потоках «чистых» интенций (т.е. мало связанных с контекстом), из которых бессознательное psyche «отшелушивает» ядра предпонятий.

Следы онтических прозрений репрезентируются явно или скрыто в семантическом поле дискурса; «прочтение» этих следов посредством интуиции или рефлексии принуждает нас к интерпретации, степень аутентичности которой (когда об аутентичности вообще можно говорить), в частности, есть функция оснащенности нашего интеллектуального аппарата контекстно-соотнесенными моделями «дискурс – актантиное psyche». Иначе говоря, расшифровка акта понимания новой мысли как другого, так и своей, имеющей онтологический статус и отображенной в дискурсе, предполагает наличие ментальных контекстно-соотносящих «диаграмм».

В то время как онтические инновации предпочитают проявляться посредством инсайта, не-

коего внутреннего озарения, которому предшествует напряженное рефлексирование, *интеллектуальные инновации* представляют собой результат мыслительных операций по большей степени дедуктивного (выводного) характера. Одновременно с этим мы полагаем, что онтическим инновациям может предшествовать дедукция; а интеллектуальные инновации, например в научной деятельности, своим появлением могут быть обязаны инсайту. Когнитивный статус интеллектуальной инновации определяется тем, что она не претендует на изменение индивидуальной онтологии. В конце концов помощь другому в одних случаях есть результат душевного порыва, а в других – следствие интеллектуальной дедукции, ищущей свою тайную корысть. Например, феномен так называемого «восточного гостеприимства» кажет себя в обеих ипостасях.

Представим себе структуризацию семантического поля дискурса в виде расположенных друг над другом понятийно гомогенных слоев так, что каждый из них собирает понятия близкой степени общности; причем слои частных понятий располагаются в нижних сегментах семантического поля, т.е., так сказать, «понятийная общность» слоев возрастает снизу вверх. Такая довольно искусственная схема, которую мы назовем «слоистое понятийное поле», позволит в дальнейшем проиллюстрировать различия в дискурсивных трендах, производящих онтические и интеллектуальные инновации, в слабо и сильноконтекстных дискурсах. Сфера реализации онтических инноваций – это верхний слой понятийного «пирога», поскольку онтические инновации рождаются из общих понятий; последнее совершенно не значит, что «производящий» их дискурсивный тренд не способен развиваться из слоев частных понятий.

Онтические инновации представляются нам менее явственно «читаемыми» в дискурсивных практиках, так как их кажимость высвечивает себя в трансформациях индивидуальных онтологий, сдерживаемых консервативностью имплант-системы.

Эпистемологические схемы слабоконтекстного дискурса

Сублимация потоков «чистых» интенций (т.е. мало связанных с контекстом) функционально оформляет истоки слабоконтекстного дискурса, задействуя сеть индивидуальных имплант-понятий. Такая сублимация осуществляет акт ментальной трансформации особого рода притязаний к миру ищущего psyche – притязаний, неподкрепленных подлинной фактичностью. Сублимация –

это орудие интуиции, поскольку последняя всегда есть реакция на ситуацию; но ситуация не может быть бесформенной и бесконтекстной. Сублимация собирает доступные для дискурсивного события и формы, и контексты, собирает во внешнем оформлении и внутренней сопряженности дискурс-события. Такого рода смесь есть питательная среда интуиции, из нее она способна трансцендировать продукты творчества.

Инструментарная часть индивидуального *psyche*, «работающая» на творческие эффекты в динамике слабоконтекстного дискурса, концентрирует в себе релевантную проблеме смесь «чистых» понятий как сочлененных между собой, так и имманентно ассоциированных с *фрагментами* контекстного опыта.

Диффузность понятийного поля индивида, разреженность контекстных регистров и слабость согласующих внутренние структуры отношений рождают *бедный* сублимационный поток. Отсюда наращивание уровня «чистых» сущностей вне релевантного им контекстно-зависимого дискурса создает то особое состояние психической жизни индивида, в котором понятийная структура его личности не только отрешена от подлинной жизни (что вполне ожидаемо), но и его творческая функция рождает фантомы, маргинализирующие *индивидуальное* бытие, обращает его в бытие-от-себя. Как сказал Осип Мандельштам – «се человек эпохи Москвошвея, попробуйте его от века оторвать» [Мандельштам 1991: 184].

Автоматизация социализирующих рефлексов такой личностью возможна, но адекватность функционирования ее бытия-к-себе проблематична, особенно в периоды культурных деформаций контекстных прототипов, психические паттерны которых имплантированы автоматизацией культурной жизни. Моральный дискурс посредством трансценденции ценностного поля может иметь инновационный продукт, а через моральные рассуждения достигать прояснения этических ситуаций. Следовательно, слабоконтекстное манипулирование моральным дискурсом приводит к созданию ценностных анклавов, отрешенных от истинных ценностей бытия.

Обратимся к выявлению эпистемологических конфигураций ментальных трендов, в частности, производящих инновации, которые отображаются в динамике слабоконтекстного дискурса. Используем для иллюстрации схему «слоистое понятийное поле». В рассматриваемом случае понятия той или иной степени общности оснащены бедным контекстным содержанием, а контекст – это то, что создает вертикальное

(в смысле общности-частности) ассоциирование в иерархиях абстрагированных субстанций. Вследствие чего возникают трудности для связного смыслового перехода между понятиями разного уровня общности, и в итоге между гомогенными (в смысле общности-частности) понятийными слоями в слоистом понятийном поле. В процессе дискурсивного «говорения» понятия выхватываются «наугад», создавая ту речевую ситуацию, которую мы идентифицируем как «словесная эквилибристика». Динамика понятийного поля такого рода дискурса развивается посредством *хаотичного осциллирования* между частными и общими смыслами (между гомогенными понятийными слоями).

Однако «энергетические» потери от подобного ментального «творчества» представляются неоправданными для слабоконтекстной конституции актантного *psyche*; особенно, если учесть то ленивое и неискушенное состояние, в котором пребывает его душа, не желающая, да и не способная к производству и адсорбированию контекстного опыта. Отсюда происходит привычка слабоконтекстных дискурсов обитать в устойчивом состоянии понятийно-гомогенных смыслов, где дискурсивное «говорение» заточено в *тоннелях* понятийных слоев фиксированной степени общности, в дискурсивных сема-изотопиях, где топик (тема) говорения внутренне читается посредством привычной схемы декодирования. Семантические амальгамы такого рода дискурса не наслаиваются друг на друга; они, подобно складывающимся пазлам, идеально подходят друг к другу, образуя то ментальное зеркало, которое способно смотреться только в само себя. Механика поверхностных структур слабоконтекстного дискурса расположена к «логическому» манипулированию, «но для любой общей теории «амальгамирования» *семем* камнем преткновения оказываются «контекстуальные смыслы (значения)» [Эко 2005: 36]¹.

Таким образом, наш анализ позволил выявить две характерные эпистемологические конфигурации ментальных трендов в понятийной динамике слабоконтекстного дискурса – тоннельную и хаотично-осциллирующую (рис. 2).

¹ В глоссарии, составленном к цитируемому произведению Умберто Эко, термин «семема» имеет следующее объяснение: «*Семема*. Для Эко – смысл языкового выражения, выраженный в терминах некоторой семантической теории; рассматривается как конструкция из элементарных смыслов – *сем*; соответствующих *семантическим признакам*, или *маркерам*» [Эко 2005: 469].

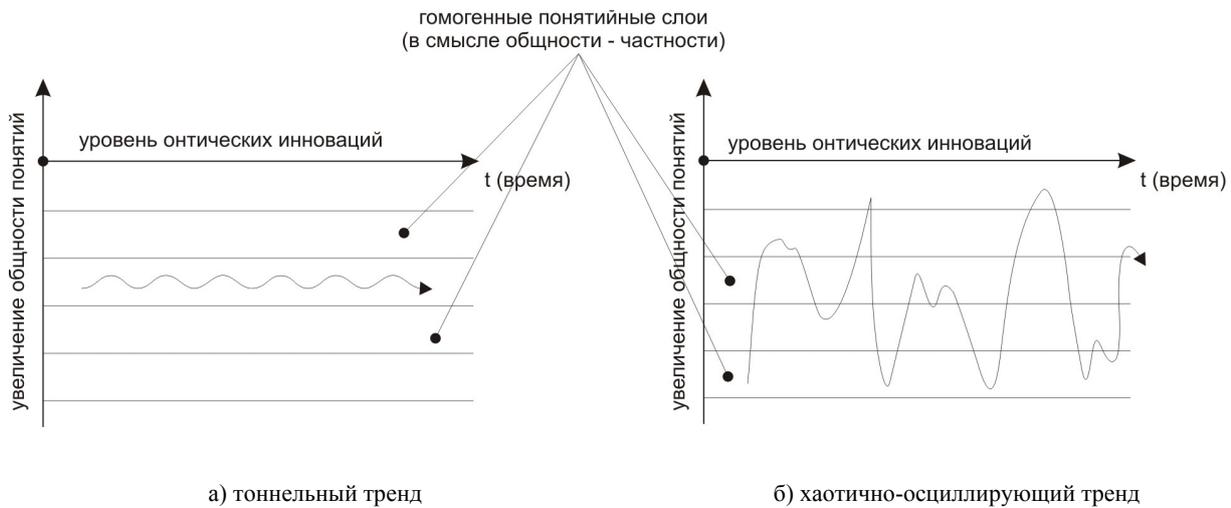

Рис. 2. Эпистемологические конфигурации ментальных трендов в понятийной динамике слабоконтекстного дискурса

Тоннельный тренд понятийной динамики слабоконтекстного дискурса элиминирует индуктивное мышление и вертикальную дедукцию. Его рефлектирующая сила скована гомогенным слоем понятий, относящихся к близкому обще-частному порядку абстракции. Следовательно, эпистемологический статус дедуктивных (выводных) операций слабоконтекстного дискурса в тоннельном понятийном тренде определяется следующим. Во-первых, способностью производить «понятийно-горизонтальные» интеллектуальные инновации либо формально-онтические инновации; для последних начало тоннельного тренда позиционируется на уровне общих понятий (уровень онтических инноваций). Во-вторых, неспособностью продуктов интеллектуальных инноваций получить доступ к онтическим структурам. В последнем случае экзистентное напряжение в дискурсивном опыте частных понятий не находит контекстно-сопряженных путей в вертикалях их родового строя, не затрагивает индивидуальной онтологии, т.е. не ведет к изменению смыслов и принципов.

Вследствие такого положения дел дедуктивный тренд интеллектуальных инноваций лишен возможности выстроить тот путь, посредством которого изменяемость общих принципов базируется на частном бытии. Отсюда слабоконтекстный дискурс – лишь стимул для собственных фантазий, а дискурсивное функционирование индивида на том или ином слое понятийной общности коррелировано не только ситуационно, но и качеством, и объемом его имплант-понятий. Представляется, что понятийно-горизонтальная дедукция в достаточно широких пределах может здесь интерпретироваться как абдукция (или рет-

родукция) Ч.С. Пирса, т.е. «как переход от множества высказываний, описывающих факты, к множеству гипотез (в частном случае – к одной гипотезе), объясняющих эти факты (т.е. из которых логически следуют эти факты)» (курсив – А.К.) [Эко 2005: 459, 460].

Для иллюстрации тоннельного тренда слабоконтекстного дискурса, канализованного в гомогенном понятийном слое, воспользуемся фрагментами пьесы Мольера «Мнимый больной».

(а) «Г-н *Диафуарус*. ... Правда он <о своем сыне> никогда не отличался ни пламенным воображением, ни блестящим умом, ...но именно поэтому я ожидал, что у него непременно разовьется *рассудительность* – качество, необходимое в нашем <лекарском> деле. ... «Ничего, – думал я, – деревья, которые поздно цветут, приносят наилучшие плоды. Чертить на мраморе гораздо труднее, чем на песке, но то, что на нем начертано, сохраняется несравненно дольше. Так и здесь: *неспособность к учению, вялость воображения* – все это *признак будущего здравомыслия*». ... В конце концов в поте лица своего он с честью получил степень, и я могу сказать не хвастаясь, что в течение двух лет ни один кандидат не отличался на диспутах так, как он. ... Он тверд в споре, *непоколебим* в своих взглядах, *никогда не меняет* своих суждений и отстаивает то или иное положение, пользуясь всеми *изворотами логики*. Но особенно нравится мне в нем то, что по моему примеру он *слепо верит* нашим древним учителям и *не желает даже слушать* о так называемых открытиях нашего века касательно кровообращения и о прочем тому подобном» (курсив – А.К.) [Мольер 2004: 880].

Особое в слабозависимой контекстности дискурса актантного *psyche* здесь суть концентрация его смыслов в бедно оснащенной системе имплант-понятий одновременно с тем, как коннотативный и динамический контексты элиминируются дремучим самодовольством. Уровень понятийной динамики дискурса по схеме «слоистое понятийное поле» достаточно четко фокусируется в сферу «мертвой» материи, располагаясь в смысловой окрестности сентенции «чертить на мраморе...»; последняя, выступая в роли аналогии, выполняет функцию высвечивания когнитивной примитивизации, демонстрируя в то же время и факт отсутствия действительного и подлинного контекста. Во взаимных отсылках внутридискурсивной знаниевой коммуникации, репрезентирующей понятия и элиминирующей интерпретацию, скрыта обращенная в экстрадискурсивное поле интеллектуальная инновация, идентифицируемая как «здравомыслие». Здесь нет *последовательной* линейности понятийной дедукции, нет и вертикали понятийной осцилляции; тоннельный тренд презентует инновацию, которая располагается где-то на полпути к концу обосновывающих ее сентенций; и в начале, и в конце дискурсивного фрагмента ссылочный регистр знаков, эксплуатируемых слабokonтекстным дискурсом имплант-понятий, настроен на указание стержневого принципа индивидуальной онтологии. Дискурсивный актант имеет целью как презентовать и навязать нам свою интеллектуальную инновацию, так и апробировать, проверить ее подлинность, как бы открывая ее заново.

(б) «*Бакалавр*. Почтенный доктор спрашивает, почему усыпляет опиум? На это я отвечаю: он имеет такое свойство – снотворную способность, которая может содержать в себе силу усыплять организм» (курсив – А.К.) [Мольер 2004: 914, 938].

Тоннельный тренд в приведенном фрагменте демонстрирует линейную дедукцию, сведенную к тавтологии – опиум усыпляет, так как обладает усыпляющей силой; дискурс предьявляет фальшивую интеллектуальную инновацию.

(в) «*Анжелика*. Ах, батюшка, прошу Вас, повремените! Брак – это такая цепь, которую нельзя налагать на сердце насильно, и если господин Диафуарус – благородный человек, он, конечно, не согласится на брак с девушкой, которую отдадут за него против ее воли.

Тома Диафуарус. Nego consequentiam <не вижу в ваших словах никакой последовательности>, сударыня. Я отлично могу быть благородным человеком и все-таки с благодарностью принять вас из рук вашего батюшки. ...

Анжелика. Однако высшее доказательство любви – это подчинение воле того, кого любишь.

Тома Диафуарус. Distingue <тут надо различать>, сударыня. В том, что не касается обладания любимым существом, concedo – <согласен>; но в том, что касается – nego <возражаю>» [Мольер 2004: 886].

Тоннельный тренд здесь функционирует в окрестности уровня онтических инноваций. Слабоконтэкстность дискурса – в формальном этосе Тома Диафуаруса. Дедуктивная схоластика утверждает своим результатом онтическую инновацию, высвечивающую регрессивную индивидуальную онтологию.

Хаотично-осциллирующий тренд понятийной динамики слабokonтекстного дискурса суть порождение, например, аффективных ситуаций – экзистентных потрясений, безуспешно ищущих выход: безутешной скорби, безумной паники, безрассудной истерии, etc. Энергия экзекутивного диссонанса разрывает барьеры тоннельно-канализованной ментальности; слабokonтекстные импланты понятийной структуры мечутся, словно в поисках как бы утерянного родства, которое неискренне жаждало свое бывшее присутствие. Подобный дискурс способен осциллировать между *формально* частным и *формально* общим, впадая в полную фактичность и апеллируя из нее к *формальным* принципам; последние формально мотивируют такого рода ментальный процесс, тогда как первые формально подтверждают его фиктивную подлинность. Хаотично-осциллирующий дискурс не способен к дедукции, но лишь к ее имитации. Онтический потенциал его дедуктивных напряжений de-facto на нуле. Однако формально, de-jure, такой *осциллирующий* «тоннельное» мышление слабokonтекстный дискурс может казаться себе очень убедительным; но онтологически он обречен, поскольку он так и не достигнет никакого сущностного понимания, не разбудит никакого смыслового озарения в этих своих метаниях.

Пример хаотично-осциллирующего тренда дает нам слабokonтекстный дискурс протагониста в заключительной сцене пьесы Генрика Ибсена «Кукольный дом» [Ибсен 2005: 246-254]. Хельмер, оставляемый своей женой, апеллирует к таким общим, но формальным *в его исполнении* понятиям, как семейное счастье, священные обязанности перед мужем и детьми, религия, нравственное чувство. И в то же самое время его испуганное столь неожиданной перспективой «я» мечется между увещевающими, но фиктивными формами

общего, и то угрожающим, то умоляющим обращением к частному – «время забав прошло!», «можно ли обращать на это внимание», «ты не в своем уме», «ах ты, ослепленное, неопытное создание!», «и не подумаешь о том, что скажут люди?», «положение в собственном доме», «между нами легла пропасть... Но разве ее нельзя заполнить, Нора?», «но разве мы не могли бы жить, как брат с сестрой?» [Ибсен 2005: 246-254].

В этом хаотично-осциллирующем дискурсивном безумии Хельмера, казалось бы, наступает момент истины, когда из него вырывается: «Но кто же пожертвует даже для любимого человека своей честью?», – момент истины, в котором от начала и до конца живет онтология «Кукольного дома». Однако слабоконтекстное *psyche* ибсеновского протагониста с легкостью проскакивает свое спасение, когда на ответную реплику Норы: «Сотни тысяч женщин жертвовали» (и она жертвовала, и Хельмер знает это), он продолжает свой понятийный пинг-понг: «Ах, ты судишь и говоришь, как неразумный ребенок». И когда все кончено и «ее здесь больше нет», вся его боль и вся его надежда так и не высвечивают в его душе всю трагедию его морального уничтожения. Слабо насыщенный сублимационный поток его контекстно бедного *psyche* способен лишь на имитацию духовной силы морально подлинной, но покинувшей свой «кукольный дом» его семейной половины, – вере в «чудо из чудес». Однако весь контекст прошлого Хельмера, как нам представляется, дает мало надежды на «чудо», способное изменить его индивидуальную онтологию; тем самым контекстный порядок дискурса элиминирует инновационный статус «чудесного» результата его хаотично-осциллирующего понятийного тренда.

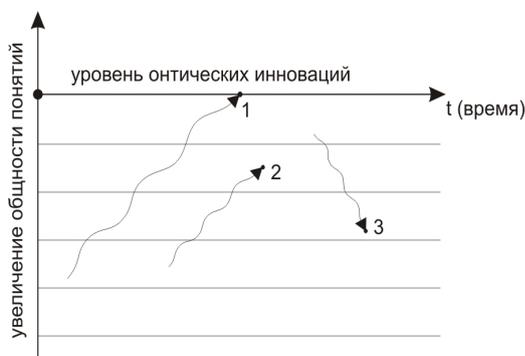
Полагание того, что речь, основанная на специализированном контексте, способна всегда транслировать общие и частные принципы, и дело

лишь в степени контекстной специфичности, представляется лишенным общности. Выражение *указывает* на контекст, хотя не всегда; но то, что оно указывает, еще не значит, что его контекстно зависимый голос звучит в гордом одиночестве.

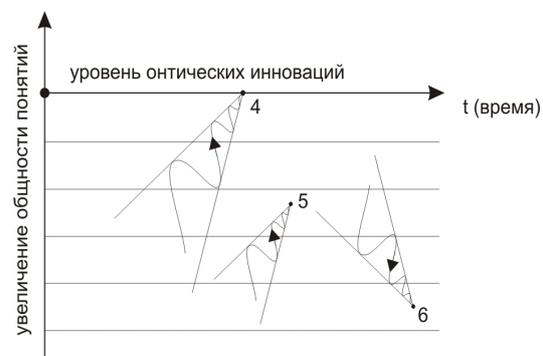
Однако более всего представляется важным не столько факт нагруженности специализированными регистрами дискурсивного контекста, сколько *обстоятельства* реализации специализирующей функции. Специализированный контекст вписывается в пространство как слабо, так и сильноконтекстного дискурса, но его специализирующая функция в них осуществляется существенно различным образом. В слабоконтекстном дискурсе специализированный контекст в значительной степени существует непосредственно в его говорении, причем в той интенсивности, в какой этот дискурс действительно может быть освобожден от посягательств конкретики этого контекста. Символическая сила специализированного контекста в слабоконтекстном дискурсе – в изживаемой латентности раскрывающих его внешние атрибутов.

Эпистемологические схемы сильноконтекстного дискурса

В условиях особой сосредоточенности и свободы от динамических контекстов мы можем выделить в развитии сильноконтекстного дискурса *градиентно-канализованный* ментальный тренд. Влияние экзекутивного и экстрасубъективного контекстов «разбалтывает» когерентность ментального функционирования и создает ту ее конфигурацию, которую мы назовем *градиентно-осциллирующий тренд*. Градиентный стиль предполагает сфокусированность, которую мы и отображали в графических схемах градиентных ментальных трендов, производящих инновации в условиях сильноконтекстного дискурса (рис. 3).

а) градиентно-канализованный тренд

б) градиентно-осциллирующий тренд

Рис. 3. Эпистемологические конфигурации градиентных ментальных трендов в понятийной динамике сильноконтекстного дискурса

Узлы ментальной напряженности под номерами 1 и 4 (см. рис. 3) расположены на уровне онтических инноваций и «притягивают» к себе онтический инновационный тренд соответствующей конфигурации. Узлы напряженностей под номерами 2 и 5 идентифицируют восходящий тренд интеллектуальных инноваций, а под номерами 3 и 6 – нисходящий. Конус, ограничивающий тренд восходящих ментальных осцилляций, может располагать одну из своих образующих на уровне онтических инноваций; в таком случае градиентно-осциллирующий тренд будет периодически «обращаться» в область самих общих понятий, направляя дедукцию к узлу, расположенному на уровне онтических инноваций. Представляется, что нет больших оснований относить конфигурацию ментальных инноваций актантного *psyche* в сферах точных наук *исключительно* к градиентно-канализованному тренду; поскольку следует иметь в виду по крайней мере тот факт, что производству умственных новшеств даже в формализованных видах сопутствует весьма значительная эмоциональная нагрузка.

Представляется, что актантное *psyche*, производящее или *осмысленно* воспринимающее онтологический дискурс философов, суть сильноконтекстный дискурс, функционирующий на самом общем понятийном уровне, обладает в равной степени мощными имплант-системой и коннотативным контекстом. Таким образом, в сильноконтекстном дискурсе помимо градиентных ментальных трендов следует особо выделить *онтически-тоннельный тренд*, способный не в меньшей степени порождать онтические инновации.

Следует заметить, что представленные здесь эпистемологические разновидности трендов сильноконтекстного дискурса – градиентно-канализованный, градиентно-осциллирующий, онтически-тоннельный, и слабоконтекстного дискурса – тоннельный и хаотично-осциллирующий, представляют в действительности *некоторые базовые типичности*. Как показывает проведенный автором анализ следов ментальных трендов протагонистов литературных произведений, можно выявить топологически сложные конфигурации ментального функционирования актантного *psyche*, в которых комбинируются представленные в этой работе характерные тренды слабо- и сильноконтекстного дискурсов. Представляется, разработанная нами эпистемологическая таксономия не является исчерпывающей, если вообще можно говорить о достижении полноты базовой структуры конфигураций ментальных трендов в контекстном порядке дискурса.

Дискурс, контекст и изменение принципов

Как можно было заметить, в нашей концепции контекстно-дискурсивного «производства» смысловых субстанций основной груз ответственности за подлинность ментальных инноваций возложен на сильноконтекстный дискурс. Главный интерес в горизонте ревизии общественных принципов представляют онтические инновации. И здесь мы сталкиваемся с определенным рода противоречием. Если сфера интеллектуальных инноваций во многом специализирована и не представляет собой предмет особых притязаний общественного интереса (например, наука, инженерное дело, производство, etc. – суть сферы деятельности, глубина понимания новшеств которых мало беспокоит и отдельного индивида, и власть)¹, то новое в области общих понятий имеет неизмеримо более высокий потенциал к изменению и внутреннего мира отдельного индивида, и смыслов общественного бытия, и статуса власти, которая этого самого индивида и это самое бытие неизменно и всегда по своей природе насилует.

Однако, сильноконтекстный дискурс, из недр которого, собственно говоря, и происходит появление в этот мир онтических инноваций, этот сильноконтекстный дискурс зачастую обитает и *понимаем* в малых, рождающих и использующих его социальных группах. При всем при том инновационный продукт этого сильноконтекстного дискурса испытывает особую потребность массового тиражирования. И это противоречие между дискурсивно-социальной капсулизацией онтического продукта и его общественной востребованностью к обновлению и изменению принципов разрешается посредством механизмов семантической фильтрации, встроенных в систему культурных трансляций, которые ревизируют содержание онтических инноваций в угоду слабоконтекстных «пониманий» групп разношерстных потребителей. Отсюда происходят такого рода теоретические упрощения, которые изменяют не только принципу научности, но и позиции *разумности* в гуманитарном познании, выдавая желаемое за действительное.

¹ Конечно, педагогика, медицина, метеорология, etc., представляют *как бы* противоположный пример специализированной области знаний; а именно, являются объектом *страстного* общественного внимания, где каждый считает себя компетентным; однако, когда дело доходит до нетривиальных теоретических фактов, вдруг обнаруживается особого рода дремучесть общественного mentality, отказывающегося истине в ее действительном статусе.

Бейзил Бернштейн, и не только он, утверждает, что «расширенные коды менее связаны с данными и локальными структурами и поэтому могут изменять принципы. При использовании расширенных кодов речь освобождается от побуждающих их социальных структур и становится независимой» [Bernstein 1977: 478]. В этом терминологическом ряду, приписывая дискурсивной субстанции – понятию, сообщению, дискурсо-событию, etc., расширенный код значений, полагают, что тем самым она обладает увеличенной мерой смысловой доступности внутри некоторого сообщества интерпретант. Таким образом, цитированное выше положение утверждает по крайней мере следующие две позиции: (i) говорение в системе общих понятий, слабо связанных с контекстом, способно изменять принципы, (ii) говорение в системе общих понятий изменяет принципы потому, что оно слабо связано с контекстом.

Первая позиция, как мы отметили в предшествующей работе, представляет собой принцип социального программирования, осуществляемый посредством ментальных манипуляций над слабозащищенным индивидуальным и общественным *psyche* в условиях слабоконтекстного дискурса. Речь в таком случае покупает свою независимость слишком дорогой ценой, поскольку актантное *psyche*, освобождаясь от контекста в процессе манипуляции общими понятиями, переносится в сферы индивидуальной безответственной гипотетичности, – оно все в фантазиях, галлюцинациях, бреде. И в этом суть практикуемых властью методов общественного управления. Однако в значительно больших масштабах изменение общественных принципов происходит вне системы нейлингвистического программирования.

Вторая позиция в утверждении Бернштейна попросту неверна, поскольку лавры открытия новых пониманий принадлежат сильноконтекстному дискурсу и, кроме того, само присвоение этих пониманий невозможно вне внутреннего «проговаривания» открывшихся смыслов в интериоризованном контексте индивидуального *psyche* с той или иной экзекутивной составляющей. Следовательно, здесь мы ревизируем еще одно положение Бернштейна, согласно которому «если категории значений общие, тогда значения менее связаны с конкретным контекстом» [Bernstein 1977: 477].

Значительные сферы гуманитарного дискурса погружены в поле общих значений. Обыденное употребление последних производится в системе *как бы* общедоступных расширенных кодов. Но это совсем не означает, что расширенный

код всегда полностью общедоступен, хотя интегрально, статистически – как средняя температура по больнице – он общезначен. Здесь мы пойдем дальше и будем утверждать теоретическую несостоятельность следующего посыла: «В случае общих значений теоретически они доступны всем, поскольку принципы и действия четко определены и являются предметом общественного достояния» [Bernstein 1977: 477].

Философский метадискурс, ведущий речь на языках разных теоретических концепций, достаточно выразительно вычленяет себя из общего поля человеческого говорения; следовательно, он содержит в себе и принципы, и действия, приводящие к такой дифференциации. Несомненно, в сильно редуцированном виде, так сказать, профанировано, общие значения этих принципов и действий являются предметом общественного достояния, равно как и способы сегментации всего дискурсивного поля, которыми общество пусть имплицитно, но владеет хотя бы потому, что оперирует дифференцированными дискурсами.

Тогда несостоятельность стилистической увертки «теоретически они доступны» проявляет себя в следующем. Во-первых, социум, который состоит лишь из мудрецов, недействителен, а именно такой социум конституируется, если допустить предельный переход из теоретически возможного, т.е. налицо как семантические, так и социальные запреты. Во-вторых, оперирование в поле общих значений, например философского дискурса, предполагают наличие когнитивных расположенностей, т.е. очерчивает достаточно ограниченный набор когнитивных типов личности. Оперирова с такого рода поверхностной проблематизацией, действительно можно устроить игру в применение принципов. Однако *потенциал широких кодов проявляется, как правило, не в освобождении от побуждающих речь социальных структур, а в манипулировании речью «освобожденного»*.

Для теоретического прояснения ситуации относительно взаимного позиционирования коммуникативных кодов, общих принципов и контекстного порядка дискурса рассмотрим схему их семиотической динамики в нотации Чарльза Пирса на модели «дискурс – актантное *psyche*». Будучи объектом притязания интерпретанты, дискурсивная субстанция воспринимается через ее психический репрезентант (знак); последний конструируется в индивидуальном *psyche* с использованием компонент интрасубъективного контекста. Расширенный код таким образом индивидуализи-

руется, т.е. используется частично, в меру контекстно-когнитивной оснащённости интерпретанты.

Однако такая редукция способна и на обратный ход. Репрезентамен, имея дискурсивную субстанцию как денотат (объект знака), в конкретности ситуации указывает свой набор признаков означиваемого объекта, т. е. формирует десигнат. Последний атрибутирует уже некоторый набор объектов, обладающих зафиксированным репрезентаменом набором признаков. В этом смысле «десигнат знака – это класс объектов» [Моррис 1983: 41]; а значит, редукция репрезентамена создала диффузное семантическое поле вокруг интерпретируемой дискурсивной субстанции.

Онтическая инновация – суть смена смыслов, принципов, правил, содержаний, etc. в поле общих понятий; ментальный тренд, ведущий к онтической инновации, – есть операционная часть в рождении мысленного новшества; расширенные коды *лишь опосредуют* трансляцию онтической инновации, причем опосредуют в связи как с индивидуальной редукцией нового, так и с ростом его смысловой энтропии, которая количественно и качественно обусловлена индивидуальными контекстными структурами.

Опираясь на рассмотренную схему семиотической динамики, мы можем заключить, что *принципы меняют онтическое рефлексирование*, а не, как полагает Б. Бернштейн, «расширенные коды», поскольку последние лишь одна из коммуникативных характеристик презентации новшества. Похоже, что тем самым мы элиминируем и заключительную часть следующего утверждения Б. Бернштейна: «Ограниченные коды более связаны с локальной социальной структурой и обладают ограниченным потенциалом в отношении изменения принципов» [Bernstein 1977: 478]. Представляется, из того факта, что ограниченные коды – атрибут коммуникации внутри общественной группы, вычлененной по тому или иному социокультурному признаку, совершенно не следует, что их потенциал, опосредованный онтическим рефлексированием, ограничен в отношении изменения принципов. Следует отметить еще раз, что сильноконтекстный дискурс в сфере общих понятий как раз и занимается изменением принципов.

Другое дело, что политики, будучи социальными популяризаторами, формулируют результаты его онтических инноваций в формах дискурсивных профанаций, ласкающих слух когнитивно неискушенной публики. Специализированные регистры слабоконтекстного дискурса для

такого рода человеческих существ усиливают, так сказать, «доступность» и «понятность» внушаемых им социальных установок. Например, проблематизация дискурса о свободе личности тогда, когда она опирается на слабые контексты, т.е. находится в сфере говорения «вообще», в ситуационном регистре оттеняется фоном историй, вложенных в его слабое смысловое поле, как то: «свобода личности в западных или восточных культурах»; а в специфицирующем репрезентируется через отношения – «как индивидуальное благо» или «как коллективное благо». Однако как только к проблематизированному дискурсивному полю общих понятий подступает сильноконтекстный дискурс думающих людей или людей, обремененных непростым жизненным опытом, в дело вступают его эксплицитная и имплицитная парадигмы.

Эксплицитная парадигма семантически опирается на многослойные понятийные структуры, которые обслуживаются имплицитными и коннотативным контекстом и имеют широкий в генеративном аспекте порядок значений, но не общедоступный в смысле его полноты. *Имплицитная парадигма* селектирует виды доступа к полю общих понятий по когнитивным предположениям к тому или иному способу индивидуального схватывания общих понятий. И эти разновидности сильноконтекстного доступа к *подлинным* онтическим инновациям, детерминированные к тому же индивидуально отличными состояниями эксплицитной (интериоризованный опыт) и имплицитной (когнитивный тип личности) парадигм, старательно не замечаются людьми, склонными к марксистским предрассудкам, тогда, когда они связывают способность изменять принципы с доступностью образования, поскольку по их мнению, только последнее обеспечивает доступность для индивидуального *psyche* онтических инноваций.

Тем самым делается попытка предъявить классово-нагруженное контрафактное следствие, а именно то, что экономическая тирания лишает людей возможности к подлинному овладению понятиями, фундирующими смыслы их бытия.

Следовательно, дело здесь совсем не в том, что, как полагает Бернштейн, «речь в заданном контексте может сводиться к довлеющим принятым шаблонам», и «эти шаблоны *не зависят* от контекста, в котором они первоначально использовались, поскольку они становятся общепринятыми клише» и даже не в том, что «общее правило можно передавать с различной степенью кон-

текстной специфичности» [Bernstein 1977: 482]. Фальшивым посредником в подобного рода идеологических выкладках, как раз и служит нотация, осуществляемая в терминах «узкие – широкие коммуникативные коды», которая не замечает то, о чем кричит вся человеческая история – *понимание подлинных смыслов прошедшего, настоящего и предстоящего, ревизия собственной онтологии и изменение принципов доступны людям всех словесий, хотя доступность эта реализуется по-разному.*

Теоретическая риторика, неаутентично оперирующая термином «коммуникативный код», замещает действительную сложность отношений в системе «понимание – контекст – понятие» поверхностной трансляционной механикой, элиминирующей подлинность общественного и индивидуального бытия. Таким образом, общие значения и их расширенные коды есть *непосредственный* объект манипулирования как слабоконтекстного, так и сильноконтекстного дискурсов; в свою очередь общие значения, которыми оперирует

дискурс, совсем не обещают, даже теоретически, общедоступность.

Список литературы

Ибсен Г. Кукольный дом // Г. Ибсен. Кукольный дом: Пьесы. М.: Изд-во «Эксмо», 2005. С. 169-254.

Карпов А.О. Дискурс: классификация контекстов // *Вопр. философии.* 2008. № 2. С. 74-87.

Мандельштам О.Э. Полночь в Москве // *Мандельштам О.* Собрание сочинений в четырех томах. Т. I. М.: ТЕРРА, 1991. С. 182-185.

Мольер Ж.-Б. Мнимый больной // *Мольер.* Пьесы. М.: НФ «Пушкинская библиотека»; ООО «Изд-во АСТ», 2004. С. 839-919.

Моррис Ч.У. Основания теории знаков // *Семиотика.* М.: Радуга, 1983. С. 37-89.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005.

Bernstein B. Social Class, Language and Socialization // *Power and Ideology in Education.* N.Y. Oxford University Press, 1977. P. 473-486.

A.O. Karpov

EPISTEMOLOGICAL TAXONOMY OF DISCURSIVE INNOVATIONS

Mental dynamics epistemic schemes of different discourse types are considered. Analysis of semantic innovations of intellectual and onthic type representation in discursive practices has been performed. Semiotic connection between weak contextual and strong contextual discourses involving change of meanings and change of principles has been discussed.

Key words: discourse, context, meaning, change of principles, discursive innovations.